

М. Н. Никольскій

Кандидатъ правъ, действительный членъ Археологическаго Института

БЛАГОРОДНАЯ БУХАРА

(Страничка изъ скитаній по Востоку)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание П. П. Сойкина

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Стремянная, № 12, собств. домъ. Невскій пр., 96, уг. Надеждинск.

2007061783

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПЕ., 2 СЕПТЯБРЯ 1903 Г.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА, СПЕ., СТРЕМЯННАЯ, 12.

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я пишу не съ цѣлью создать путеводитель à la Бедкръ, гдѣ каждая страница изобилуетъ сухимъ перечисленіемъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, гдѣ масса фактовъ и названій, но нѣтъ живой жизни. Я хочу лишь выразить свои впечатлѣнія, навѣянные на меня яркими, оригинальными картинами маленькаго, но цвѣтущаго Бухарскаго ханства. Я хочу дать лишь общіе очерки поразительныхъ контрастовъ кипучаго суетливаго движенія на фонѣ торжественной величавости и апатичнаго восточнаго спокойствія.

Кто знакомился съ восточной жизнью въ Тегеранѣ или Смирнѣ, того не удивятъ типичныя колоритныя картины Бухары. Не удивятъ эти картины и того, кто толкался по базарамъ Каира и любовался чудными грандіозными мечетями этого разноплеменнаго города.

Кто восхищался единственными въ мірѣ по красотѣ видами Константинополя, Золотого Рога и Стамбула тому, можетъ быть, покажутся блѣдными миниатюрныя Бухарскіе виды.

Но на человѣка, впервые сталкивающагося съ восточной жизнью во всей ея оригинальности и своеобразной, трудно передаваемой, но чувствующейся прелести, Бухара, по большей части, производитъ сильное, ошеломляющее впечатлѣніе. Правда, присмотрѣвшись и попривыкнувъ къ новизнѣ картинъ, многіе путешественники начинаютъ критически относиться къ нѣкоторымъ ея непривлекательнымъ чертамъ—пыли, грязи, сѣрымъ и монотоннымъ улицамъ большей части города и другимъ, такъ сказать, дефектамъ. Однако, едва-ли найдутся лица, не поразившіяся съ перваго раза оригинальностью ея базаровъ и другихъ восточныхъ особенностей. Кажется, сначала точно попадаешь въ волшебное подземное царство Аладина и его чудесной лампы. Все такъ ново, такъ оригинально, такъ ярко по краскамъ!

Ходишь по цѣлымъ часамъ, чувствуешь физическое утомленіе, но картины, рисующіяся передъ глазами, ничуть не надоѣдаютъ и не утомляютъ вниманія. Лично я чуть не засыпалъ (да простятъ мнѣ это прегрѣшеніе меломаны) на 4-омъ дѣйствиіи любого блестящаго обстановочнаго балета, несмотря на его роскошныя декорации, но никогда меня не усыпляли эти какъ будто-бы и однообразные виды Бухары. Тутъ чувствовались не мертвыя разрисованныя кулисы, а сама жизнь. Жизнь для европейца странная, непонятная, но оттого-то и захватывающая своей оригинальностью. Даже на парижскихъ бульварахъ, среди живого заражающаго веселья, или на пресловутой Via Карачіоли въ Неаполѣ во время предобѣденныхъ гуляній я никогда не чувствовалъ такой близости къ чужой иностранной жизни, какъ въ Бухарѣ.

Говорятъ, что, если поскоблить любого русскаго, то подъ этой личиной окажется азіатъ. Можетъ быть, ко мнѣ это мнѣніе наиболѣе примѣнимо, но я люблю востокъ. Впрочемъ, это, конечно, субъективный взглядъ, сложившійся, вѣроятно, подъ вліяніемъ бродяжничества по востоку вообще, но мнѣ кажется, что на воображеніе и фантазію каждаго менѣе подѣйствуютъ знакомыя, до извѣстной степени, шумныя толпы европейскихъ улицъ и бульваровъ, чѣмъ полутемные, полуфантастичные корридоры бухарскихъ базаровъ съ ихъ необыкновенной обстановкой.

Попробую же съ большей послѣдовательностью разобратся съ суммою тѣхъ впечатлѣній, которыя я вынесъ отъ посѣщенія Бухары.

Былъ жаркій іюльскій день. Раскаленное знойное солнце жгучими лучами обливало пыльную дорогу, извивавшуюся между двумя рядами цвѣтущихъ садовъ и полей. Сытая рослая лошадка быстро везла меня со станціи Новая Бухара Закаспійской (теперь Средне-

азіатской) желѣзной дороги въ городъ Бухару, Бухару Аль-Шерифъ, т. е. Благородную, какъ ее называютъ бухарцы.

Было всего 10 часовъ утра, а жара уже была страшная. Я положительно изнемогалъ отъ зноя, но кучерь сартъ, видимо, мало чувствовавшій высокую температуру, бодро сидѣлъ на козлахъ легкой пролетки, любезно предоставленной въ мое распоряженіе г. С., агентомъ одной торговой фирмы, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо.

Не могу не вспомнить здѣсь съ чувствомъ глубокой благодарности то широкое гостепріимство, съ которымъ меня принялъ г. С., когда я къ нему явился съ письмомъ одного его даже не близкаго знакомаго. Вообще надо сознаться, что въ этомъ отношеніи закаспійцы и туркестанцы—идеальнѣйшій народъ. Нигдѣ, кажется, развѣ только въ Сибири, не принимаютъ съ такимъ радушіемъ случайныхъ заѣзжихъ туристовъ. Ну гдѣ-бы въ другомъ мѣстѣ оставили у себя гостить незнакомаго человѣка, да еще дали-бы ему на цѣлый день лошадь и слугу, что потомъ повторилось еще нѣсколько разъ при послѣдующихъ поѣздкахъ въ Бухару.

Такимъ образомъ, благодаря главнымъ образомъ любезности г. С., я вполнѣ ознакомился съ столицей Бухарскаго Ханства, резиденціей Его Высочества Эмира Бухарскаго.

По обѣимъ сторонамъ дороги мелькали сады, обнесенные, по большей части, глиняными низкими стѣнами. Тянулись сплошь вспаханныя зеленые поля, небольшіе перелѣски изъ разнообразныхъ деревьевъ, въ числѣ которыхъ попадались нерѣдко и гранатныя. Гранатники уже отцвѣли, и деревья эти не отличались той красотой, которая свойственна имъ въ апрѣлѣ и въ маѣ. Тогда эти сравнительно небольшія деревца

покрываются ярко-красными цвѣтами. Тысячи разно-
цвѣтныхъ жучковъ гнѣздятся въ это время въ ихъ
желтыхъ чашечкахъ. Распустившіеся цвѣты перемѣ-
шиваются съ скромными замкнутыми бутонами; темно-
зеленые мелкіе шелковистые листья гранатника еще
болѣе оттѣняютъ яркость его цвѣтовъ.

Одни изъ воротъ стѣны, окружающей Бухару.

Жара и дорожная пыль такъ сильно давали себя
чувствовать, что на протяженіи тѣхъ двѣнадцати верстъ,
которые считаются отъ станціи до Бухары, я два раза
останавливался пить чай въ небольшихъ бухарскихъ
чай-хане (чайныхъ), часто встрѣчавшихся по дорогѣ
и съ удовольствіемъ отдыхалъ въ тѣни деревьевъ.
Моему кучеру, который съ изумительной быстротой

успѣвалъ опоражнивать въ какія-нибудь десять минутъ чуть не дюжину, положимъ, небольшихъ чашекъ, такія остановки тоже, видимо, доставляли огромнѣйшее наслажденіе.

Наконецъ, вдали показались высокіе минареты бухарскихъ мечетей, и мы подъѣхали къ однимъ изъ бухарскихъ воротъ, пройдя сперва по одному изъ бухарскихъ предмѣстій. Почти всю дорогу, а въ особенности вблизи города по массѣ встрѣчавшихся всадниковъ на ослахъ, мулахъ, лошадяхъ и верблюдахъ, а также по многочисленнымъ пѣшеходамъ и экипажамъ, можно было видѣть, что приближаешься къ какому-то крупному центру, гдѣ, видимо, сильно бьется импульсъ народной жизни. И дѣйствительно Бухара не только административный центръ Ханства, но центръ торговый и умственно-образовательный.

У самыхъ воротъ стояли ряды извозничьихъ экипажей, устроились продавцы овощей и фруктовъ, чайхане, и толпилось много нищихъ.

Мой кучеръ устроилъ лошадь у одного знакомаго, и мы отправились по городу пѣшкомъ.

Еще тогда, когда мы подъѣзжали къ Бухарѣ, мое вниманіе привлекли, окружающія ее стѣны. Стѣны эти глинобитныя, съ круглыми зубцами и узкими стрѣльницами. Тянутся онѣ кругомъ всего города и имѣютъ въ длину одиннадцать верстъ четыреста сажень. Вышина ихъ сажени три, три съ половиной, а ширина у основанія сажени полторы, но кверху гораздо уже. Въ стѣнахъ этихъ находится одиннадцать воротъ, разстояніе между которыми неравномѣрно; такъ самое меньшее разстояніе будетъ—175 сажень, а самое большее 1 верста, 450 саж. Ворота сдѣланы изъ обожженного кирпича съ кирпичными же башенками усѣченной конической формы. Никакого стратегическаго значенія обветшалыя стѣны, конечно, не имѣютъ. Ихъ легко

прошибетъ пуля, не только ядро. Снаружи города онѣ кажутся больше сохранившимися чѣмъ внутри, откуда въ полной неприглядности выступаетъ ихъ печальное состояніе.

Миновавъ ворота мы пошли по узкимъ кривымъ, улицамъ. Если составлять понятіе о Бухарѣ по однимъ только этимъ улицамъ, то, безусловно, получится самое дурное мнѣніе объ этомъ оригинальномъ городѣ.

На улицахъ прежде всего поражаетъ почти совершенное отсутствіе оконъ. Однообразно тянутся высокія, глинобитныя, не крашенныя сѣрыя стѣны, видимо, двухъэтажныхъ зданій. Только низенькія ворота ведутъ во дворы зданій, да иногда надъ ними устраивается небольшое окно. Изрѣдка попадаются кирпичныя строенія, но тоже безъ оконъ. Полнѣйшее отсутствіе зелени, пыль, раскаленныя стѣны—еще болѣе увеличиваютъ первое неблагоприятное впечатлѣніе. И такихъ улицъ въ Бухарѣ 360. Онѣ извиваются, перепутываются, идутъ зигзагами. Ширина ихъ отъ $1\frac{1}{2}$ аршина до 2 сажень. Глаза европейца, привыкшаго къ правильности линій въ постройкахъ, рѣзко и непріятно поражаетъ кривизна бухарскихъ домовъ, строящихся, видимо, безъ ватерпаса и наклона. Единственно, если что только оживляетъ эти непривлекательныя улицы, такъ это рѣзвящіяся дѣти, въ особенности прелестныя пугливыя какъ серны, дѣвочки. Пользуясь свободой до 8—9 лѣтъ ходитъ безъ покрывала, онѣ безпрепятственно рѣзвятся на улицахъ, уже съ 6—7 лѣтняго возраста обращая на себя вниманіе, какъ будущія невѣсты.

Наслышавшись еще раньше о восточныхъ базарахъ, я просилъ моего проводника провести меня, минуя пока всѣ другіе достопримѣчательности, на большой базаръ. Минутъ сорокъ пробирались мы по кривымъ, узкимъ улицамъ, такъ запутаннымъ, что я едва-ли

выбрался-бы изъ нихъ одинъ. Наконецъ, усилившееся движеніе толпы показало намъ, что мы приближаемся къ желаемому мѣсту. Скоро по обѣимъ сторонамъ улицы замелькали и лавки. Первымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ была прохладная тѣнь, царящая благодаря навѣсамъ надъ всей улицей. Правда, на базарѣ отъ этого господствовалъ легкій полумракъ, но, по моему, восточныя картины еще болѣе выигрывали при такомъ освѣщеніи въ колоритности и оригинальности.

Слово базаръ получило право законности, на ряду съ массой другихъ восточныхъ словъ, и въ русскомъ языкѣ. Базаромъ въ нѣкоторыхъ нашихъ городахъ, такъ или иначе имѣющихъ связь съ востокомъ, (напр. въ Астрахани, Казани, Баку), называется то, что въ другихъ не восточныхъ частяхъ Имперіи принято называть рынкомъ или псадами. Однако, базаръ на востокѣ имѣетъ гораздо большее общественное значеніе, чѣмъ нашъ рынокъ. Базаръ для азіата замѣняетъ и гостинный дворъ, и театръ, и клубъ, и биржу, и гостиницы.

На базарѣ находятся лавки не только съ съѣстными припасами, но и со всѣми другими товарами—мануфактурными, галантерейными и проч. Здѣсь заключаются всѣ торговыя сдѣлки, опредѣляется курсъ монеты, назначаются цѣны на товары. Здѣсь же находятся и чайныя, столь любимыя на востокѣ, и съѣстные лавки, такъ сказать азіатскіе рестораны. Сюда являются съ своими представленіями заклинатели змѣй, фокусники, танцовщики и актеры. На базарѣ же узнаются всѣ новости, передаются и обсуждаются разные слухи. Правда, и на нашихъ рынкахъ провинціальныя кумушки во время закупокъ успѣваютъ застаться на весь день самымъ разнообразнымъ запасомъ сплетенъ, но все же азіаты передъ ними имѣютъ то преимущество, что проводятъ на базарѣ весь день, тогда какъ первымъ все-же надо спѣшить домой.

На базарѣ принимаются моды, составляется общественное мнѣніе и даже произносятся проповѣди муллами. Понятно, что при такомъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ базаръ для азіатовъ, нечего удивляться, что онъ переполненъ пестрыми, оригинальными волнами восточной толпы, сливающейся на главныхъ улицахъ базара въ общій потокъ. Толпа движется почти непрерывно, но что то необычайное для европейца въ этомъ движеніи. Прежде всего поражаетъ отсутствіе лихорадочности, такъ вообще присущее большимъ центрамъ. Движеніе это кажется какимъ-то безотчетливымъ и дѣланнымъ. Сперва, пока я не познакомился болѣе съ жизнью бухарцевъ, я не могъ понять, почему эта восточная толпа производитъ на меня такое странное впечатлѣніе, но, мало-по-малу, объясненіе этому составилось само собой.

Надо вообще сказать, что на ряду съ честностью, широкой благотворительностью бѣднымъ, радушіемъ и гостепріимствомъ, бухарець обладаетъ страшно-развитымъ тщеславіемъ и склонностью къ праздности и бездѣйствію. Если у него есть какія-либо средства, дающія ему возможность не работать, онъ не станетъ думать о трудѣ. Ему никогда не надоѣстъ лѣнивая, праздная жизнь, и самой его завѣтной мечтой является возможность возбудить удивленіе въ другихъ своей одеждой и великолѣпіемъ. Нарядившись съ утра какъ можно лучше, потративъ на повязку одной чалмы столько же времени, сколько любой европейской кокеткѣ нужно на совершеніе всего туалета, онъ идетъ на базаръ. Явиться съ дурно-повязанной чалмой—значитъ вызвать рядъ насмѣшекъ. Красиво повязать тридцатиаршинную чалму и устроить великолѣпный тюрбанъ считается верхомъ изящества для каждого бухарскаго денди. Придя на базаръ, бухарець старается показать себя какъ можно большому числу

знакомыхъ, чтобы удовлетворить чувству своего тщеславія, если вызоветъ у нихъ зависть или удивленіе къ своему наряду. А такъ какъ подобное развлеченіе онъ рѣшилъ доставлять себѣ до вечера, то торопиться ему некуда.

Этимъ то и объясняется безотчетливость преобладающей массы бухарской толпы и отсутствіе въ ней лихорадочнаго движенія. Что же касается бросающейся въ глаза дѣланности, какъ будто искусственной натянутости движенія, то она объясняется восточнымъ этикетомъ. Походка европейцевъ, отрывистая и энергичная, не удовлетворяетъ требованіямъ бухарской бонтонности. У нихъ на этотъ счетъ свои понятія.

Сообразно съ ними бухарецъ идетъ очень медленно, раскачиваясь и безъ торопливости. Вообще на востокѣ громко говорить, смѣяться, жестикулировать считается неприличнымъ. Голову онъ держитъ высоко, увѣренно. Не знаю, вслѣдствіе ли этого, или вообще благодаря чрезмѣрному тщеславію, но дороги бухарецъ давать не любитъ. Поэтому идущіе другъ другу навстрѣчу часто очень кочично сталкиваются. Никакихъ европейскихъ извиненій при этомъ не требуется, но зато никогда не замѣчалъ я при столкновеніи и негодующихъ косыхъ взглядовъ.

Но при всей безотчетности толпы и ея дѣланности нельзя сказать, чтобы общее движеніе ея было монотонно. Правда, праздность и этикетъ лишаютъ большую ея часть живости, но, однако, далеко не всѣхъ. Прежде всего этикетъ связываетъ лишь болѣе или менѣе зажиточную часть населенія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется и возможностью быть праздной. Хотя зажиточность эта, по большей части, условна и измѣряется для любого бухарца не столько полной возможностью ничего не дѣлать, сколько его стремленіемъ къ бездѣйствію, если у него въ карманѣ имѣется нѣсколько десятковъ тенегъ (теньга=18—20 к.)

Но все же есть много лицъ, не имѣющихъ за душой ни гроша, чтобы сдѣлаться хотя-бы калифомъ на часъ и отвести душу хотя-бы на два на три дня въ пріятномъ ничегѣ недѣланіи.

Когда бухарецъ болѣе или менѣе обезпеченъ, онъ лѣнивъ и не станетъ проявлять своей энергіи. Такъ, купецъ неподвижно сидитъ въ своей лавкѣ и безучастно смотритъ на проходящихъ. Зазывать покупателей онъ не станетъ—не принято это, да и что ему беспокоить себя, когда ему такъ пріятно его лѣнливое бездѣйствіе.

Однако, когда у бухарца нѣтъ и 10—20 рублей, чтобы сдѣлаться купцомъ, онъ энергиченъ и предпріимчивъ въ качествѣ мелкаго продавца. Цѣлый день снуетъ онъ по улицамъ и громко выкрикиваетъ достоинство и цѣну своего товара. Едва-ли любой европейскій поэтъ сумѣетъ такъ восхвалить и превознести красоту своей возлюбленной, какъ бухарецъ превозноситъ продаваемую имъ выдолбленную тыкву, замѣняющую табакерку для нюхательнаго табаку или войлочные туфли.

Кромѣ того базарная толпа состоитъ не изъ однихъ бухарцевъ—въ ней встрѣчается много и другихъ восточныхъ народностей.

Называя до сихъ поръ жителей Бухары бухарцами, я заимствовалъ это названье лишь отъ имени города, тогда какъ племени бухарскаго, собственно говоря, не существуетъ. Коренное, преобладающее населеніе Бухары составляютъ сарты, хотя господствующимъ племенемъ надо считать узбековъ. Сарты произошли отъ смѣшенія древняго иранскаго населенія съ завоевателями болѣе поздняго времени тюрко-монгольскаго племени. Происхожденіе слова сартъ возбуждаетъ у ученыхъ споры, и они до сихъ поръ еще не могутъ придти къ болѣе или менѣе общему заключенію. Нѣ-

которые считают происхождение этого слова отъ китайскаго сэръ, сэ-шелкъ, т. к. шелководство въ Бухарѣ въ древности было очень развито; нѣкоторые производятъ это слово отъ киргизскаго шартлы, что значитъ, обязанный исполненіемъ извѣстныхъ условій. Есть сторонники мнѣнья, что слово это происходитъ отъ древне-иранскаго ксатра—городъ, человѣкъ города. Но самымъ нелестнымъ является для сартовъ филологическое изысканіе, производящее ихъ названіе отъ сары-ить желтая собака. Узбеки являются господами завоевателями Бухары. Названье ихъ происходитъ отъ словъ узъ—самъ и бекъ—господинъ, т. е. узбекъ значитъ самъ себѣ господинъ.

Племя воинственное, храброе, благородное, честное и искреннее, тогда какъ сарты очень трусливы и, если дѣйствительно между ними почти нѣтъ воровства, можетъ быть, потому, что прежде за крупную кражу отсѣкали голову, а за мелкую руку, то зато страшно лживы, скрытны и лукавы.

Узбеки, въ общемъ, характера безпокойнаго и, собственно говоря, религіозно фанатичны. Сарты же очень плохіе мусульмане, хотя строго соблюдаютъ религіозныя формальности. Но гонясь за соблюденіемъ формъ, они не только не вникаютъ въ сущность религіи, но и нарушаютъ на каждомъ шагу ея догматы, лишь бы это было шито крыто.

По наружности сарты красивѣе узбековъ. У тѣхъ слишкомъ суровыя лица. У сартовъ же черты частью иранскія, частью (въ меньшей степени) тюркомонгольскія. Они стройны, имѣютъ большіе черные выразительные глаза, бѣлые ровные зубы. Скулы слегка выдающіяся, цвѣтъ лица смуглый, волосы черные.

Изъ бухарскаго населенія можно назвать еще таджиковъ, происходящихъ, какъ и сарты, отъ иранскаго

племена и даже сохранившихъ одно изъ персидскихъ нарѣчій, тогда какъ сарты говорятъ языкомъ тюркскаго племени. Таджики въ самой Бухарѣ почти не живутъ. Они составляютъ преобладающее населеніе въ селлахъ Бухарскаго ханства. У сартовъ же склонность къ городской скученной жизни. По внѣшнему виду сартовъ трудно отличить отъ таджиковъ, развѣ лишь по одному изяществу въ одеждѣ, хотя тѣ и другіе носятъ одинаковые халаты съ однимъ или нѣсколькими поясами.

Но кромѣ этихъ, такъ сказать, коренныхъ племенъ, въ Бухарѣ много представителей и другихъ восточныхъ національностей. Киргизы, башкиры въ войлочныхъ бѣлыхъ конусообразныхъ шляпахъ, каракалпаки, смуглые овчанцы съ черными блестящими глазами и окладистыми бородами, туркмены въ бараньихъ папахъ, предприимчивые татары въ своихъ короткихъ бешметахъ, изысканные, всегда гладко выбритые, надушенные періане, индусы въ суконныхъ съ мѣховой оторочкою шапкахъ и всегда и вездѣсущіе евреи, такъ недавно до русскаго владычества бывшіе въ Бухарѣ паріями. Правда, роль ихъ на востокѣ вообще еще болѣе не завидная, чѣмъ гдѣ-либо. Они являются тайными контрабандными поставщиками и продавцами водки, перекупщиками, при возможности, содержателями тайныхъ домовъ разврата и ростовщиками. Въ послѣднемъ, впрочемъ, съ ними еще болѣе успѣшно конкурировали индусы, теперь, благодаря русскимъ законамъ, почти подрѣзанные въ своей корыстолюбивой дѣятельности. Самой страшной угрозой для нихъ является тюремное заключеніе. Дѣло въ томъ, что по закону своей вѣры они не могутъ есть пищу, приготовленную чужими руками. Прежде же они сосали бухарское населеніе какъ пауки, взимая до 150—200 процентовъ въ годъ.

Однако, несмотря на то, что они приѣзжали въ Бухару лишь для наживы и занимались лишь ростовщичествомъ, для нихъ не было никакихъ стѣсненій, тогда какъ евреи еще недавно были лишены въ Бухарѣ многихъ правъ. Они не смѣли ѣздить верхомъ, носить чалмы или другого какого-либо головного убора, кромѣ дозволенной имъ четырехугольной черной шапки съ узенькой мерлушковой оторочкой. Подпоясываться шальями имъ тоже запрещалось,—единственнымъ и къ тому же обязательнымъ поясомъ для нихъ должна была служить веревка.

Эти ограниченія были ихъ отличительными признаками, къ которымъ бухарцы относились вообще съ презрѣніемъ. Теперь по одеждѣ евреи не отличаются отъ сартовъ, но по наружности это отличіе, конечно, рѣзко бросается въ глаза. Ихъ типичныя лица, а въ особенности пейсы всегда и вездѣ выдадутъ ихъ національность.

Однако, несмотря на уравниеніе еврейскихъ правъ наравнѣ съ мѣстными жителями, послѣдніе и теперь относятся къ нимъ презрительно, что вызывается и сейчасъ еще продолжающейся вышеизложенной дѣятельностью евреевъ.

Нѣсколько презрительное отношеніе у бухарцевъ, въ особенности у узбековъ, къ персамъ. Очень трудно объяснить, чѣмъ это вызывается. Правда, бухарцы суниты, а персы шіиты, но едва-ли при религіозномъ индефферентизмѣ бухарцевъ религія играетъ тутъ преобладающую роль. Не мѣшаетъ же это различіе въ религіозныхъ воззрѣніяхъ сунитской Бухарѣ заимствовать всѣ моды изъ шіитскаго Тегерана, являющагося для нея тѣмъ-же, чѣмъ для Европы Парижъ. Подобное отношеніе можно лишь объяснить исторически.

Дѣло въ томъ, что прежде, до русскаго владычества, на бухарскихъ рынкахъ было много рабовъ изъ

персіянъ, взятыхъ въ плѣнъ дикими воинственными туркменами. Можетъ быть, еще съ тѣхъ поръ въ народныхъ преданіяхъ не исчезли понятія о персахъ, какъ о бывшихъ рабахъ.

Всѣ эти перечисленныя національности, не связанныя бухарскимъ этикетомъ, не умѣющія, по большей части, какъ, напр., киргизы, туркмены и каракалпаки, удержать своего удивленія при видѣ этой чуждой для нихъ цивилизаціи и съ ихъ точки зрѣнія великолѣпія, въ общемъ вмѣстѣ съ бухарскими торговцами производятъ страшный шумъ и гамъ. Со всѣмъ этимъ сливается ноющій речитативъ нищихъ, пѣнье факировъ, ревъ ословъ, собачій визгъ и тяжкіе вздохи верблюдовъ.

А пестрая толпа течетъ неудержными потоками, шумно разливается по всѣмъ многочисленнымъ перепутывающимся, точно лабиринтъ, улицамъ базара. Яркія краски всюду бьютъ въ глаза. Халаты, по большей части, бумажные изъ такъ называемой мѣстной матеріи аладжи—полосатой ткани. Встрѣчаются цвѣта—золотистый, коричневый, шоколадный, но чаще всего болѣе яркіе—синій, красный, малиновый, желтый, алый, зеленый.

Тутъ-же среди толпы по узкимъ проходамъ разъѣзжаютъ всадники и тянутся вереницы верблюдовъ съ громадными тюками или ословъ, навьюченныхъ всякаго рода живностью. Громадныя суммы болтаются у нихъ по обѣимъ сторонамъ и занимаютъ чуть не половину дороги. Если столкнутся два каравана верблюдовъ съ тюками, приходится употреблять страшныя усилія, чтобы они разошлись благополучно. Но еще большую остановку въ движеніи вызываетъ ишакъ, упавшій на землю и, благодаря-ли врожденному упрямству, или, предпочитая лежать, чѣмъ тащить тяжелую ношу, не желающій подняться, несмотря на удары, обильно сыплющіеся на него со всѣхъ сторонъ.

О пріятности защищающаго отъ солнца общаго навѣса (айвана—изъ тряпокъ, цыновокъ, рогожекъ) надъ всѣмъ базаромъ, исключая площадей, я уже упоминалъ, но этотъ же навѣсъ мѣшаетъ сохнуть дождевой водѣ, благодаря чему на базарѣ очень часто грязь и вонь, хотя своеобразныя красоты восточныхъ картинъ вполне примиряютъ со всѣми неудобствами, заставляя снисходительно относиться къ отрицательнымъ качествамъ этого оригинальнаго города.

Остановка движенія на улицахъ происходитъ очень часто, чему не мало способствуетъ страшно развитое любопытство восточной толпы. Малѣйшее происшествіе вызываетъ цѣлую массу любопытныхъ. Пролилъ прохожій горшокъ молока или ведро воды — кругомъ собирается толпа, упалъ оселъ въ грязь и не хочетъ идти—толпа, подрался собаки или люди—еще большая толпа. И такая толпа собирается изъ-за всякой малости.

Слѣдуя за толпой, пошли мы съ проводникомъ по одной изъ улицъ, оказавшейся галантерейными рядами. Надо замѣтить, что каждый родъ товаровъ имѣетъ свой особый рядъ, что представляетъ очень большое удобство, такъ какъ позволяетъ прицѣпиваться къ вещамъ, не тратя напрасно времени на разыскиваніе лавокъ. Кромѣ того, благодаря этому, возбуждается въ большей степени соревнованіе мастеровъ, мастерскія которыхъ помѣщаются тутъ-же на базарѣ.

Что касается устройства лавокъ, то оно очень простое. Въ небольшомъ сарайчикѣ въ квадратную сажень, приподнятомъ аршина на полтора отъ земли, на деревянныхъ полкахъ, устроенныхъ на подобіе лѣстницы, разложены различные товары. Въ мануфактурныхъ рядахъ такихъ полокъ нѣтъ и груды матерій лежатъ прямо на полу. Дверей у этихъ лавокъ въ буквальномъ смыслѣ тоже нѣтъ, а на ночь онѣ за-

кладываются досками и подпираются запоромъ съ замкомъ. Позади лавки устраивается такая-же комната для болѣе дорогихъ товаровъ. Вывѣсокъ нѣтъ совершенно. Многіе мелочные торговцы уносятъ на ночь всѣ товары домой.

Надо только удивляться, съ какими незначительными товарами принимаются бухарцы за торговлю.

Имѣя нѣсколько рублей, бухарець уже становится купцомъ.

Торговля для него—любимое, почетное занятіе. Она вполне удовлетворяетъ его склонности къ бездѣятельной празднои жизни, лѣнивому просиживанью по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ. Къ тому-же не надо упускать изъ виду и соціальныхъ сторонъ даннаго пристрастія къ торговлѣ. Коранъ Магомета отрицаетъ сословія—слѣдовательно, родовое происхожденіе роли на Востокѣ не играетъ. Попасть ко двору правителя и, сдѣлавшись его любимцемъ, черезъ это добиться почета и уваженія, доступно не каждому. А между тѣмъ страшно развитое тщеславіе такъ и грызетъ человѣка, требуетъ удовлетворенія. Лишь одинъ путь остается для честолюбиваго азіата, а именно приобрѣтеніе богатства, что легче всего возможно черезъ торговлю. Весьма естественно, что занятіе торговлей, вслѣдствіе этого, считается весьма почетнымъ.

Благодаря такому взгляду, въ Бухарѣ образовалось множество базаровъ. Кромѣ главнаго ихъ насчитывается еще до 50. Но кромѣ базаровъ запросамъ торговли удовлетворяютъ еще 150 караванъ-сараевъ, тимы и чаръ-су. Караванъ-сарай главнымъ образомъ служатъ для склада заграничныхъ товаровъ, и торговля въ нихъ производится оптовая. Караванъ-сарай устраиваются слѣдующимъ образомъ. Вокругъ вымощеннаго двора строятся со всѣхъ четырехъ сторонъ двухъэтажныя зданія. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются лавки, а верхній

служить какъ кладовыми для купцовъ, такъ и жилымъ помѣщеніемъ, гдѣ они останавливаются для житья.

Тимами называются четырехугольные сараи, стоящіе обыкновенно вѣхъ базаровъ, на площадяхъ и служащіе оптовымъ складомъ какъ мѣстныхъ, такъ и заграничныхъ товаровъ.

Чаръ-су представляетъ собой нѣчто въ родѣ нашихъ пассажировъ. Самый большой изъ нихъ въ Бухарѣ Заргерени-чаръ-су — каменный павильонъ въ видѣ ротонды, занятъ самыми разнообразными товарами, отъ которыхъ у европейца часто разбѣгаются глаза — такъ незнакомы ему и крайне оригинальны многія изъ этихъ вещицъ.

На всѣхъ 50 небольшихъ базарахъ продаваемые товары перемѣшаны до невозможности — рядомъ съ овощной лавкой вы встрѣтите мануфактурную, а тутъ же рядомъ лавку кузнеца или портного. Но на большомъ базарѣ каждый родъ товаровъ помѣщается въ отдѣльныхъ рядахъ.

Въ составъ этого большого базара входятъ базары — хлопковый, шелковый, каракулевый, желѣзный, портняжный, конского снаряженья, плотничій, овощный, конный и еще множество отдѣльныхъ частей.

Мануфактурный рядъ поражаетъ своей молчаливостью.

Въ другихъ частяхъ базара — крики людей, ревъ ословъ, гамъ, суета, оживленіе. Здѣсь величавая торжественность. Молчаливыя фигуры, одѣтыя хотя и въ бумажные халаты изъ аладжи, въ полумракѣ отъ навѣса, устроеннаго здѣсь съ большей тщательностью, кажутся разодѣтыми въ какую-то драгоценную парчу. Груды бархата, шелка, чесунчи, кашемира, атласа, канаса, фуляра, шалей, ковровъ и вообще всякихъ затѣйливыхъ вышитыхъ и тканыхъ работъ по матеріи въ восточномъ вкусѣ лежатъ прямо на полу лавокъ.

Есть мнѣніе, что бухарцы сильно запрашиваютъ въ цѣнѣ товаровъ. Не могу съ этимъ согласиться, такъ какъ видѣлъ, что бухарцы уступаютъ сравнительно мало съ спрошенной пѣны, цѣны-же эти очень мало разнятся отъ самаркандскихъ, считаемыхъ въ Туркестанѣ одними изъ самыхъ дешевыхъ.

Если мы перейдемъ изъ этого ряда внезапно въ рядъ мѣдниковъ, то получимъ полнѣйшій контрастъ. Сильные удары сотни желѣзныхъ молотковъ сплюсчиваютъ мѣдь для чайниковъ, производя при этомъ невообразимый шумъ. Въ ряду портныхъ оригинальна выставка работъ прямо на улицу. Цѣлые ряды халатовъ висятъ на длинныхъ шестахъ надъ головами проходящихъ. Работа, по большей части, ручная, однако, встрѣчается масса швейныхъ машинъ, что доказываетъ, что, если сарты консервативны въ торговыхъ пріемахъ, то довольно прогрессивны въ ремеслахъ. Эта мысль подтверждается еще и тѣмъ, что сарты завели множество мастерскихъ такихъ предметовъ, которые прежде совершенно не были извѣстны въ ихъ быту.

Интересны топоры бухарскихъ столяровъ и плотниковъ, работающихъ тутъ-же въ одномъ изъ отдѣленій большого базара. Остріе насажено на такую длинную рукоятку, что даетъ возможность работать не сгибая спины. Подобное устройство въ жаркомъ климатѣ имѣетъ громадное удобство. Кровь не приливаетъ къ головѣ, а вслѣдствіе этого уменьшаются случаи солнечныхъ ударовъ въ раскаленные лѣтніе дни.

Въ конномъ ряду любитель породистыхъ лошадей не найдетъ тамъ таковыхъ. Встрѣчаются хорошія киргизскія рабочія лошади, попадаютъ порядочныя и карабаирскія — улучшенная порода киргизскихъ, заботы о которой основываются на многочисленномъ требованіи хановъ имѣть приличныхъ лошадей, но зна-

токи говорятъ. что туркменскія породы упали. Объясняютъ это тѣмъ, что теперь лошадь потеряла для туркмена свое прежнее значеніе,—теперь она служить лишь средствомъ передвиженія, тогда какъ прежде при постоянныхъ воинскихъ стычкахъ отъ быстроты добраго коня часто зависѣло спасеніе жизни его хозяина.

Затѣмъ особенно интересны на бухарскихъ базарахъ чай-хане (чайныя) и съѣстные лавки, занимающія иногда цѣлыя площади.

Чайныя очень часто устраиваются въ лавкахъ, но, по большей части, на открытомъ воздухѣ. Громадныя нары защищаются навѣсомъ. На эти то нары и садится бухарская публика. Чай подаютъ въ маленькихъ чашечкахъ. Рѣдко кто пьетъ съ сахаромъ—почти всѣ съ изюмомъ. Чай зеленый (обыкновенно изъ плохихъ или среднихъ сортовъ).

Въ такихъ чайныхъ бухарцы просиживаютъ цѣлыми часами, выпивая невообразимое количество чашекъ чая. Дуть на него считается неприличіемъ, что еще на большее время увеличиваетъ процедуру чаепитія. Кипятокъ заключается въ громадномъ русскомъ самоварѣ, который стоитъ тутъ же гдѣ-нибудь въ концѣ наръ. Желающимъ подается и хлѣбъ — чуреки и лепешки.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію съѣстныхъ лавокъ, придется сказать нѣсколько словъ о бухарскихъ каналахъ и прудахъ, такъ какъ около нихъ и сосредоточена главнымъ образомъ торговля съѣстными припасами.

Бухара лежитъ на искусственномъ, вытекающемъ изъ рѣки Зарявшана, каналѣ Шахри-Рудъ. Ширина его до города 10—12 саж., въ городѣ 5—7 саж. Глубина около сажени.

Шахри-Рудъ или Шахрудъ начинается за 8 верстъ отъ города, а въ городѣ имѣетъ 3 версты 100 саж.

На немъ нѣсколько мостовъ. Отъ этого главнаго канала расходится масса другихъ каналовъ во всѣ стороны. Каналы протекаютъ по всѣмъ улицамъ и наполняютъ до 100 прудовъ и водоемовъ. Все это было бы прекрасно, если-бы вода эта была проточная. Но дѣло въ томъ, что вода изъ Зарявшана въ Шахрудъ пускается не постоянно, а лишь по 2 раза въ мѣсяцъ зимой и 4 раза въ мѣсяцъ лѣтомъ. Понятно, что вода эта, при сильной жарѣ, вообще нечистоплотности бухарцевъ, бросающихъ въ нее всякіе отбросы, и 17 кладбищахъ, заключенныхъ внутри города, очень не гигиенична и вредна. Вслѣдствіе этой воды у бухарцевъ очень распространена болѣзнь ришта—глисты въ тѣлѣ. Бухарскіе доморощенные эскулапы, преимущественно брадобрѣи, очень искусно извлекаютъ ее, сдѣлавъ разрѣзъ на тѣлѣ и ухвативъ хвостъ щипчиками, цѣлыми аршинами изъ терпѣливыхъ пациентовъ, но все-же слѣдовало бы принять мѣры для оздоровленія города и освѣженія его водохранилищъ,—хотя прежде всего слѣдуетъ запретить пить сырую воду и приучить бухарцевъ къ чистоплотности. Условная чистоплотность, предписываемая религіей, у нихъ развита сильно: они моютъ руки передъ ѣдой и послѣ ѣды. Что-же касается дѣйствительной не обрядовой чистоплотности, то ее они считаютъ, видимо, излишней роскошью. Бѣлья они не моютъ очень долго, что ихъ ничуть не стѣсняетъ.

Но если вода въ бухарскихъ водоемахъ не привлекательна даже по внѣшнему виду, то общая картина ихъ съ окружающею ихъ жизнью заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія, какъ одинъ изъ самыхъ живописныхъ и оригинальныхъ видовъ Бухары. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ самый большой водоемъ Лябихаузъ. Живописность его уменьшается лишь отъ того, что онъ слишкомъ застроенъ кругомъ построй-

ками. Иѣтъ, такъ сказать, широкаго размаха, большой перспективы.

Лябихаузь или Ляби-Хаузь Диванъ Беги, какъ его называютъ отъ громадной мечети Незръ-Диванъ-Беги, расположенной въ западной его части, представляетъ изъ себя прудъ въ 100 фут. длины, 80 ширины и 20 глубины. Къ поверхности воды спускаются полого широкія каменные ступени. Кругомъ его тротуаръ. Онъ солнца онъ защищенъ громадными старыми деревьями, величаво раскидывающими надъ нимъ свои могучіе лиственные сучья. Въ любое время дня площадь Лябихауза, являющаяся любимымъ мѣстомъ для прогулокъ бухарскихъ жителей, представляетъ интересную картину.

На ступеняхъ пруда, на разосланныхъ коврахъ и безъ нихъ, постоянно сидитъ и лежитъ масса публики, наслаждаясь въ прохладной тѣни пріятнымъ кейфомъ, мороженымъ и различными водами, разносимыми расторопными продавцами. Зеленый куполь деревьевъ, сквозь который просвѣчиваетъ бирюзовое небо, та-же яркость разноцвѣтныхъ халатовъ и ковровъ составляютъ оригинальный красивый калейдоскопъ цвѣтовъ. Тутъ-же къ пруду съ восточной и южной сторонъ примыкаетъ цѣлое море чай-хане, съѣстныхъ лавокъ, продавцовъ фруктовъ, сладкихъ водъ, мороженнаго и различныхъ восточныхъ пряностей.

Столы завалены грудями хлѣба, вареныхъ курицъ, жареной баранины. Тутъ-же, распространяя аппетитный запахъ, жарится кебавъ различныхъ сортовъ, всевозможные пловы, бузбаши (супы) и пильмени.

Изъ напитковъ особенно распространена буза изъ проса и сахарныя воды, настоянныя на стручкахъ кипариса.

Груды восточныхъ пряностей тоже привлекаютъ вниманіе,—все это европеецъ видитъ въ первый разъ.

Водоемъ Лябихауэ.

Чего только нѣтъ въ этомъ восточномъ достарханѣ (угощеніи)! Кандалятъ изъ муки и сахара, представляющій изъ себя твердое тѣсто въ видѣ шариковъ, дана шуранъ—косточки абрикоса, халва фисташковая, кунджутная, орѣховая, баглоба—смѣсь сахара и миндального тѣста и масса другихъ пряностей. Но больше всего всевозможныхъ прекрасныхъ страшно дешевыхъ фруктовъ, составляющихъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ главную пищу большинства бухарцевъ. Нельзя сказать, чтобы бухарскія яблоки и груши были хороши, хотя теперь сарты и начинаютъ болѣе тщательно ихъ культивировать, но зато виноградъ, абрикосы и персики не составляютъ желать ничего лучшаго. Дешевизна цѣнъ доходитъ до изумительнаго. Даже на базарѣ виноградъ продается $1\frac{1}{2}$ —2 коп. за фунтъ, а въ садахъ его можно купить 20—30 к. пудъ.

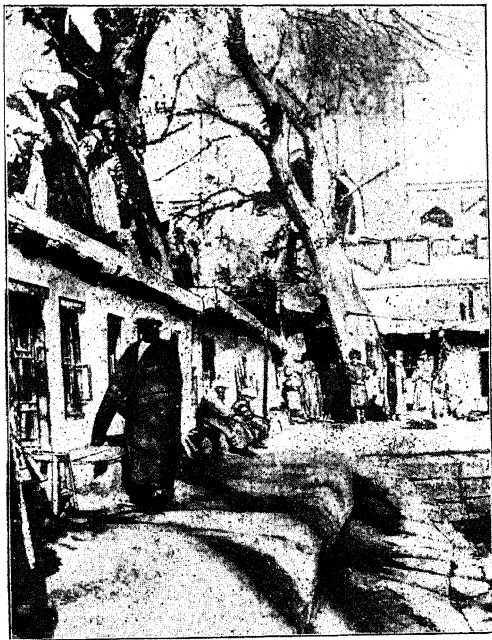
Громадные персики, поспѣвающіе въ концѣ іюля, которыхъ на фунтъ идетъ 3—4, сочные до того, что при откусываніи обливаютъ всего сокомъ, стоятъ 2—3—4 к. за фунтъ. Не менѣе хороши и бухарскія дыни, особенно такъ называемый чарджуйскій сортъ. Производительность ихъ до того велика, что ихъ собирается штукъ до 10,000 съ десятины, которая при этомъ даетъ 300—400 руб. дохода, если не слишкомъ удалена отъ какого-либо большого торговаго центра. Кожа у чарджуйскихъ дынь гладкая, покрытая бѣлыми и зелеными полосами.

Всѣ эти съѣстные соблазны окружены живой, сознательной толпой. Тутъ нѣтъ уже безотчетливаго движенія—напротивъ у cadaго есть цѣль выбрать себѣ что либо по вкусу. Толпа эта производитъ сильный шумъ и гулъ, при чемъ громче всѣхъ раздаются голоса торговцевъ, восхваляющихъ достоинства своего товара.

Здѣсь-же какъ на ряду съ лавками, такъ и около пруда Лябихауза и сосредоточены главнымъ образомъ

всѣ бухарскія развлеченія въ видѣ музыкантовъ и актеровъ.

Я не поклонникъ восточной музыки вообще, а бухарская произвела на меня еще болѣе невыгодное впечатлѣніе. Трудно въ словахъ передать этотъ хао-

Лавки у водоема Лябихаузъ.

тическій дисонансъ звуковъ, необычайную рѣзкость тоновъ и отсутствіе опредѣленнаго такта—недостатки, которыми отличаются всѣ бухарскіе музыканты. Не лучшее впечатлѣніе производятъ и бухарскія пѣсни—монотонныя, поющіяся горловыми звуками съ выкрикиваніемъ. Актерами представляются, по большей ча-

сти, смѣшныя сцены, видимо, неприличнаго содержанія. Однако, толпа довольна талантомъ маскарбазовъ и награждаетъ ихъ очень щедро пулами ($\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ копѣйки).

Часто можно встрѣтить и танцы, но они однообразны и опять таки съ не совсѣмъ приличными тѣлодвиженіями. Танцы эти производятъ башчи. Башчи—одна изъ язвъ востока, встрѣчающаяся подъ разными названіями вездѣ—и въ Персіи, и въ Турціи и въ Малой Азіи. Башчи—это молодые мальчишки—юноши, удовлетворяющіе далеко не естественной половой прихоти азіатовъ. Противно смотрѣтъ какъ на базарѣ за какимъ-нибудь такимъ мальчишкой идетъ чуть не цѣлая свора пожилыхъ и старыхъ бухарцевъ—его поклонниковъ—и старается исполнить его малѣйшее желаніе. Башчи очень часто приводятъ къ разоренію своихъ поклонниковъ и, конечно, разбиваютъ семейное счастье. Не даромъ религія такъ возстаетъ противъ этого порока, но поэты воспѣваютъ башчей въ своихъ стихахъ.

Все дѣло въ томъ, что свобода женщины на востокѣ еще не получила правъ гражданства. Въ самомъ дѣлѣ на улицахъ и базарахъ только женщины нищія-старухи и вдовы, не имѣющія средствъ къ пропитанію кромѣ подаванія—могутъ ходить безъ покрываль. Всѣ остальные могутъ показываться на улицахъ лишь въ фараджахъ (чадра—женское покрывало) съ сѣтками изъ конскаго волоса. Въ Турціи женщины младо-турецкой партіи на загородныхъ гуляніяхъ уже показываются безъ покрываль, какъ это мнѣ пришлось видѣть во Флорин и Санъ-Стефано—окрестностяхъ Константинополя; въ Персіи хотя больше консерватизма, но все-же вмѣсто бухарскихъ сѣтокъ носятъ легкія вуальки, и чадры часто при встрѣчѣ въ уединенной улицѣ съ иностранцемъ все какъ-то

случайно открываются. Но въ Бухарѣ положеніе женщинъ гораздо хуже, чѣмъ въ другихъ восточныхъ странахъ. Имъ даже запрещено дѣлать фараджи изъ яркихъ цвѣтовъ.

Вообще женщина на востокѣ, видимо, не имѣетъ никакого вліянія на общественную жизнь; правоспособности у нея нѣтъ не только въ гражданскихъ отношеніяхъ, но и въ семейной жизни. Власть надо всѣмъ безраздѣльно принадлежить мужчине. Съ перваго взгляда кажется, что женщина, живущая затворницей, служащая лишь вещью гарема, созданная, по мнѣнію Корана, лишь для одного наслажденія правовѣрныхъ, совершенно ступшевывается и не вмѣшивается ни во что, кромѣ хозяйства. Однако, на самомъ дѣлѣ по существу это далеко не такъ. Правда, женщина не пользуется видимыми прерогативами власти, но, любопытная отъ природы и отъ бездѣлья, она старается проникнуть во всѣ дѣла мужа и оказываетъ на нихъ косвенное вліяніе. Конечно, по большей части, умственные способности ея настолько забиты, что она не вмѣшивается ни въ какія дѣла, кромѣ домашнихъ, но если она захочетъ оказать вліяніе на мужа, то всегда можетъ добиться этого. Коранъ и шаріатъ не позволяютъ правовѣрному (кромѣ имамовъ) брать больше четырехъ женъ и предписываютъ разъ въ четыре дня раздѣлять ложе съ каждой изъ нихъ. Такимъ образомъ сама религія, хотя и отзывается о женщинахъ пренебрежительно, но своими предписаніями сильно увеличиваетъ ихъ косвенное вліяніе.

Хотя за этими законодательными предписаніями Магомета нѣтъ наблюденія, однако, всякій мусульманинъ старается не нарушать этихъ постановленій. Бухарцы-же хотя въ общемъ мало фанатичны и, какъ я уже упоминалъ, индефферентны къ религіи, тѣмъ не менѣе строго исполняютъ обрядовую формальную сторону.

Говорятъ, что положеніе женщины ухудшается легкостью развода. Правда, по закону мужу достаточно сказать женѣ: „иди съ миромъ, моя душа тебя не желаетъ“, и разводъ заключенъ, но на практикѣ это далеко не такъ просто. Дѣло въ томъ, что предусмотрительные родственники женщинъ обыкновенно заключаютъ съ мужьями ихъ условія о неустойкѣ на случай развода безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Неустойки эти, по большей части, бываютъ такъ велики, что уплата ихъ ведетъ къ полному разоренію хозяйства. Конечно, благодаря такимъ побочнымъ условіямъ, разводъ, легко допустимый по закону, осложняется экономическими расчетами.

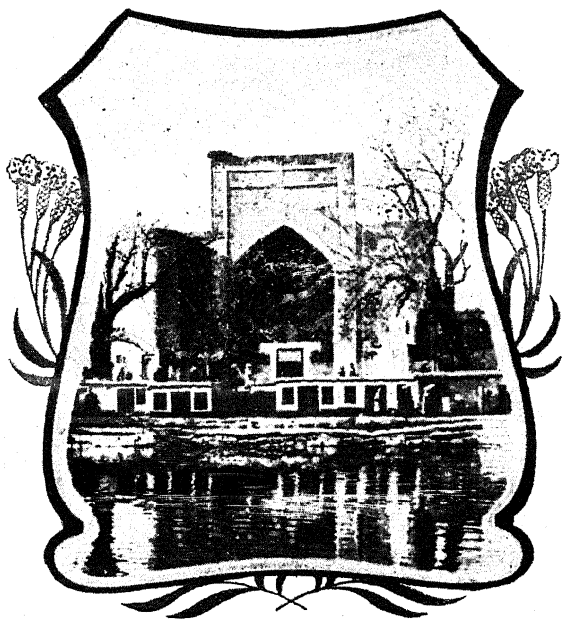
Судя по разспросамъ, не думаю, чтобы въ Бухарѣ особенно процвѣтало многоженство. Для каждой жены мужъ долженъ устроить, согласно предписанію Корана, особое помѣщеніе, дать особую прислугу. Дѣлая подарокъ одной женѣ, мужъ долженъ дѣлать такіе-же подарки и другимъ, не выказывая ни одной изъ нихъ предпочтенія. Такимъ образомъ содержаніе нѣсколькихъ женъ и дорого, да и ведетъ часто къ нарушенію предписаній Корана. Въмѣсто законныхъ женъ многіе предпочитаютъ имѣть наложницъ, что и дешевле и менѣе стѣснительно.

Кромѣ базаровъ, особеннаго вниманія въ Бухарѣ заслуживаютъ—Регистанъ, мечети и медресе (высшія школы).

Регистаномъ называется площадь, лежащая въ срединѣ города; къ площади этой сходятся всѣ улицы въ видѣ неправильныхъ радіусовъ. Площадь эта и безъ того небольшая по своимъ размѣрамъ, еще болѣе проигрываетъ въ общемъ впечатлѣніи по величинѣ, вслѣдствіе дѣйствительно грандіозныхъ зданій, на ней находящихся.

Съ одной стороны Регистана цитадель съ старымъ

дворцомъ эмира. Цитадель находится на искусственномъ холмѣ сажень 5 вышиной. Стѣны цитадели сажени 3 въ вышину и 2 въ толщину. По сторонамъ ея башни. Надъ величественными воротами находятся часы. Дворецъ Его Высочества Эмира Бухарскаго—зданіе до-

Мечеть Нездръ-Диванъ Беги.

вольно мрачнаго вида на подобіе крѣпости. Въ цитадели-же находятся дома важнѣйшихъ сановниковъ, тюрьма и абъ-хане—водохранилище, въ которомъ находится единственно чистая вода въ городѣ.

Съ двухъ другихъ сторонъ Регистана находятся мечети, а съ четвертой медресе Миръ-Арабъ. Сама-же

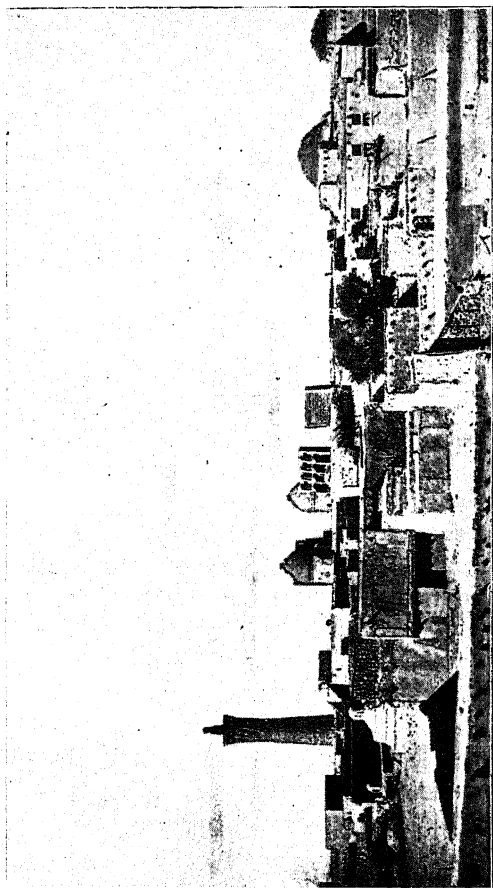
площадь сплошь занята лавочками, чайными и переполнена снующей кипучей толпой.

Изъ мечетей особенно замѣчательна Кальянъ, считающаяся главной, съ ея минаретомъ-башней Минари-Кальянъ.

Мечеть Кальянъ значить Великая. Куполь ея возвышается футъ на сто и облицованъ эмалевыми ярко-голубого цвѣта изразцами. У нея открытый большой порталъ тоже съ цвѣтной глазурью и замѣчательно красивыми арабесками. Массивныя двери придаютъ еще болѣе солидности этому грандіозному зданію. Однако, зданіе отнюдь нельзя назвать тяжелымъ по постройкѣ: легкая стрѣльчатая арка портала, напротивъ, несмотря на его грандіозные размѣры, придаетъ ему видъ необычайнаго изящества и легкости. Правда, въ общихъ чертахъ зданія нѣтъ той изысканности, какими отличаются на востокѣ остатки отъ старыхъ персидскихъ построекъ, но за то оно отличается величіемъ и простотой линий. Только жаль что большинство облицовки обсыпалось, барельефныя украшенія обломаны и вообще отъ прежняго великолѣпія скоро останется лишь одно воспоминаніе. Внутренность мечети можно раздѣлить на три части—1-я—большой вымощенный дворъ, обнесенный крытой галлереей для молитвы во время дождя. Посреди двора бѣлая мраморная каѳедра для проповѣдей. Стѣны украшены альфресковой, тоже приходящей въ упадокъ, живописью.

Вторую часть составляетъ ниша мечети, гдѣ происходитъ богослуженіе. Внутренность ниши пуста. Лишь передъ богослуженіемъ выносятся книги. Третью часть составляетъ мѣсто для духовныхъ лицъ, скрытое отъ глазъ молящихся стѣной.

Говорятъ, что въ Кальянъ мечети вмѣщается 10—15 тысячъ человѣкъ. Его Высочество Эмиръ Бухарскій по пятницамъ пріѣзжаетъ сюда на богослуженіе.

Вашня Минари-Кальингъ.

На вершинѣ мечети устроили себѣ гнѣздо аисты, что бухарцами считается хорошимъ предзнаменованіемъ.

Мечеть Кальянъ построена Калифомъ Магди въ 830 г. Чингисханъ въ 1220 г. разрушилъ ее, но Чагатай въ 1234 возстановилъ почти въ настоящемъ видѣ. Передъ ней находится башня, служащая ей теперь минаретомъ, съ котораго азанчи (духовное лицо, помощникъ муллы, муэдзинъ) созываетъ голосомъ народъ на молитву. Въ прежнее время съ этой башни сбрасывали преступниковъ, но теперь это, по настоянію русскихъ властей, прекратилось.

Башня эта, называющаяся Минари Кальянъ, въ основаніи имѣетъ сажени четыре, суживаясь кверху. Вышину ея опредѣлить довольно трудно. Приблизительно можно считать сажень 30. Цвѣта она желтобурога и сохранилась довольно хорошо.

Кромѣ Кальянъ мечети въ Бухарѣ насчитывается еще 360—364 мечети по числу улицъ, чѣмъ бухарцы очень гордятся. Однако, состояніе этихъ мечетей нельзя назвать хорошимъ. Многія изъ нихъ въ свое время, вѣроятно, были великолѣпны, но теперь уже тоже приходятъ въ упадокъ, чему сильно способствуютъ сами бухарцы, не цѣнящіе своихъ зданій и тайкомъ отбивающіе съ нихъ глазурь для продажи туристамъ.

Муллы, конечно, возстаютъ противъ этого, но услѣдить за мелкими грабителями довольно трудно.

Муллы и вышеупомянутые азанчи принадлежать къ духовенству, хотя, собственно говоря, такого словія въ Бухарѣ нѣтъ. Мулла считается простымъ лицомъ, не обличеннымъ какою-либо священною силою свыше, и избирается жителями своего прихода изъ числа грамотныхъ, получившихъ извѣстное образованіе лицъ. Къ числу духовныхъ лицъ принадле-

жить и секта имамовъ, имѣющая громадное вліяніе на народъ; послѣдователи ихъ называются мюридами. Многіе имамы злоупотребляютъ уваженіемъ къ нимъ народа и стараются нажить, но есть много среди имамовъ лицъ, достойныхъ уваженія, хотя вообще все мусульманское духовенство крайне консервативно и противъ всякихъ реформъ.

На Регистанѣ-же, какъ уже было упомянуто, находится и медресе Миръ-Арабъ или Гарабъ.

Высокій изящный порталъ, по обѣимъ сторонамъ котораго двухъэтажныя зданія съ стрѣльчатыми нишами въ каждомъ ярусѣ. Зданія эти вѣнчаются двумя лазоревыми куполами съ красивыми гирляндами куфическихъ надписей

Арка надъ нишами и сводъ въ великолѣпныхъ, но сильно пострадавшихъ изразцахъ, хотя цвѣта еще могутъ восхищать и теперь—до того тонка и сложна ихъ работа.

Передъ входомъ въ медресе площадка, на которую ведетъ отлогая лѣстница.

Лучшимъ медресе, впрочемъ, считается Заргерени. Зданіе его двухъэтажное. Внутренній дворъ вымощенъ квадратными площадками. По серединѣ неизбѣжный бассейнъ, кругомъ вѣтвистыя; живописныя деревья. Отъ мозаичной облицовки осталось одно воспоминаніе. Лучше всего сохранились цвѣты, хуже всего надписи изъ Корана. Изразцовъ съ изображеніемъ людей и фигуръ животныхъ нѣтъ совершенно, потому что это запрещается Кораномъ. Дворъ кругомъ окруженъ нишами, представляющими изъ себя жилище бухарскихъ студентовъ. Роскошь у нихъ не одобряется, такъ какъ они обучаются не только наукамъ, но и нравственности. Полутемныя комнаты шаговъ 7 въ длину и столько-же въ ширину. Маленькій каменный столикъ и нѣсколько нишъ въ стѣнахъ—для книгъ, пищи, а

одно спеціально для кипяченія воды и вообще стряпни. Обыкновенно студенты живутъ въ самомъ медресе, хотя могутъ быть и приходящими. За комнату надо внести при поступленіи извѣстную сумму, а затѣмъ студентъ можетъ оставаться въ ней хоть всю жизнь, не только не платя, но даже получая пособія изъ такъ называемаго вакуфнаго капитала.

Дѣло въ томъ, что всѣ бухарскія медресе содержатся на счетъ частной благотворительности. Пожертвованія на мечеть считаются дѣломъ богоугоднымъ и потому въ деньгахъ никогда нѣтъ недостатка. Деньги эти составляютъ вакуфный капиталъ, которымъ завѣдуютъ муллы медресе подъ контролемъ прихожанъ ближайшихъ мечетей.

Изъ вакуфнаго капитала платится жалованье преподавателямъ и выдаются стипендіи студентамъ.

Сумма стипендіи зависитъ отъ класса и отъ количества имѣющагося при медресе вакуфнаго капитала, колеблясь отъ 4 до 15 руб. въ годъ въ младшемъ отдѣленіи и отъ 15 до 50 руб. въ старшемъ. Благодаря даровому помѣщенію и этому нѣкотораго рода обезпеченію въ медресе можно встрѣтить студентовъ очень пожилыхъ, даже лѣтъ за 40 съ лишнимъ. Медресе для мусульманина-азіата—тоже же, что университетъ для европейца, такъ какъ въ программу его преподаванія входятъ всѣ науки, допускаемыя магометанскими законами. Сфера допускаемыхъ наукъ дѣлится на три факультета: шаріе—богослово-юридическій, арабіе—филологическій по отношенію къ арабскому языку, хикеміе—житейской мудрости.

На юридическомъ преподаются слѣдующія предметы: тяфсиръ—толкованіе смысла Корана; хадись—собраніе рѣчей Магомета, слышанныхъ имъ отъ самого Аллаха; фикигъ—законоположенія, касающіяся до физи-

ческой природы человѣка и до содержанія въ чистотѣ его тѣла; усуль-и-фикгы—изложеніе метода толкованія Корана; ильми-калемъ—догматическая метафизика; ильми-киро-'ать—декламаторская часть чтенія Корана; шаріать—законовѣдѣніе.

Входъ въ медресе.

На арабскомъ факультетѣ преподаются: лугать—полный лексиконъ арабскаго языка; ильми-сарфъ—арабское словопроизводство и словосочиненіе, ильми-урузъ—арабское стихосложеніе; ильми-кофіе—наука о созвучіяхъ и римахъ; ильми-теварихъ—науки историческія съ географіей.

Въ составъ наукъ факультета житейской мудрости входятъ: мантыкъ—логика; табигіііе — естество-

знаніе, а въ томъ числѣ астрономія и медицина; ильми-хисабъ—математика; илягійе — метафизика; ріазійе — философія; ильми-муназере—искусство поддерживать и правильно вести диспуты.

Лекціи читаются каждый день, исключая рамазана, четверга, пятницы и нѣкоторыхъ другихъ прѣздничныхъ дней; кромѣ того существуютъ трехмѣсячныя лѣтнія каникулы. Зато въ учебный день лекціи читаются съ восхода до заката солнца, исключая перерыва днемъ на часъ, на два. Весь курсъ продолжается лѣтъ 9 самое меньшее. Нѣкоторые студенты учатся лѣтъ 15—20. Главную роль играетъ память, но имѣютъ значеніе и подарки мулламъ, благодаря которымъ можно кончить скорѣе.

Читаются лекціи въ особыхъ аудиторіяхъ. Такъ, напримѣръ, аудиторіи уже описаннаго медресе Заргеряни—одна роскошь. Громадная зала съ высокими куполами, черезъ которые потоки свѣта мягко освѣщаютъ всю внутренность. Мраморныя плиты пола не измѣнились отъ времени, но фрески, мозаика и арабски уже потеряли свои свѣтлые тоны. Изящная, грандіозная зала, поражающая былымъ великолѣпіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣйшая соразмѣрность деталей и легкость и красота архитектурныхъ линій. Всѣхъ медресе въ Бухарѣ считается около 100 съ 10000 студентами. Недаромъ Бухару называютъ Римомъ ислама.

Но кромѣ высшихъ школъ въ Бухарѣ насчитывается до 1000 низшихъ, такъ называемыхъ мектебъ. Въ нихъ проходится арабскій языкъ и заучиваются наизусть стихи Корана. Ученики, по большей части, не понимаютъ того, что они учатъ. Все сводится къ одному безсмысленному зазубриванію. Рутинна преподаванія убила науку. Въ мектебахъ каникулъ нѣтъ, хотя по пятницамъ тоже не учатся. Мектебъ устривается на средства прихода и находится въ его пре-

дѣлахъ. Можно встрѣтить мектебы, помѣщающіеся среди кузницъ. Смѣшно и грустно смотрѣть на юныхъ школьниковъ, старающихся заглушить выкрикиваніемъ безсмысленныхъ для нихъ словъ грохотъ кузнечныхъ молотовъ. О самомъ-же мектебѣ слышно за сотню шаговъ до его помѣщенія. Заучиваніе заданнаго производится школьниками вслухъ. Иные, чтобы не развлекаться, затыкаютъ уши. Вообще картина малоутѣшительная. Отъ природы бухарскіе мальчики въ общемъ выводѣ надарены, видимо, хорошими способностями, но безсмысленное зазубриваніе Корана убиваетъ въ корнѣ ихъ развитіе.

Этого-же развитія и воспитательнаго значенія лишена и ихъ жизнь, предшествующая школьной скамейкѣ. Какое благотворное вліяніе можетъ оказать восточная женщина на своего ребенка! Сама забитая, грубо невѣжественная она, конечно, не можетъ принести никакой помощи своему сыну.

Жалко видѣть какъ гибнуть богатые способности мальчиковъ. Сколько полезныхъ знаній можно было-бы приобрести при такихъ усиленныхъ занятіяхъ, при той громадной усидчивости, которая тратится школьниками.

Болѣе рacionales, по моему мнѣнію, постановка дѣла въ женскихъ школахъ—биби-халиже, которыхъ, положимъ, немного. Главными предметами тамъ являются обученіе грамоты по таджикски и узбекски; проходятся также произведенія персидскаго поэта Гафиза.

Плата въ годъ въ бухарскихъ низшихъ школахъ отъ одного до 3 тиллей. При вступленіи полагается подарокъ—халатъ, овцу или что-нибудь вообще цѣнное—смотря по имущественнымъ средствамъ родителей поступающаго ученика. Затѣмъ въ году, если родители довольны обученіемъ сына, посылается неизбѣжный на востокъ достарханъ (угощеніе) изъ фунта,

двухъ зеленаго чая, маленькой головки сахара и пряностей.

Перечисляя особенности Бухары нельзя не сказать хотя нѣсколько словъ о бухарскихъ баняхъ и кладбищахъ.

Общія бухарскія бани дѣлятся обыкновенно на 4 части: 1-ая—передбанникъ, гдѣ оставляется верхнее платье, 2-ая—теплая раздѣвальная, гдѣ снимается уже бѣлье, 3-ья—жаркое отдѣленіе для паренья и 4-ая—въ которой производится мытье посѣтителей банщикамъ. Послѣднее отдѣленіе представляетъ обыкновенно просторную залу со свѣтомъ, падающимъ сверху. Въ жаркомъ-же отдѣленіи въ стѣну вдѣланы ниши съ каменными скамьями. Въ нѣкоторыхъ баняхъ есть еще особыя жаркія каморки, но въ нихъ до невозможности горячо и душно. Общественныхъ большихъ бань въ Бухарѣ шестнадцать. Въ общемъ бухарскія бани соединяють пріятное съ полезнымъ. Въ нихъ къ вашимъ услугамъ не только цирюльникъ и знахарь, но кальянъ, чай и угощеніе; изъ развлеченій-же—разказчикъ и сказочники.

Изъ 13 кладбищъ, находящихся внутри города и страшно отравляющихъ почву Бухары, лучшимъ считается царское кладбище—Хазрати-Ишани-Имле. Однако и оно, не говоря уже о другихъ второстепенныхъ, производитъ не очень-то выгодное впечатлѣніе. Гробницы низкія, двускатныя, въ головахъ камень съ надписью—имя, годъ кончины, иногда стихъ изъ Корана. Большихъ выдающихся памятниковъ нѣтъ. У могилъ праведниковъ шесты съ конскими хвостами. Вотъ и вся неприглядная обстановка этого царственнаго кладбища.

Изъ бухарскихъ особенностей остается описать лишь внутреннюю обстановку домовъ. Внѣшній видъ домовъ, въ особенности съ улицы, какъ уже было упомянуто,

далеко не привлекателенъ. Внутреннее-же убранство комнатъ въ богатомъ домѣ отличается иногда поразительною роскошью. Домъ зажиточнаго бухарца обыкновенно дѣлится на три части: первая комната для приема гостей, затѣмъ комнаты хозяина и уже въ самой задней части дома помѣщеніе женщинъ.

Все вниманіе обращено на убранство первой комнаты. Смотря по состоятельности ея хозяина, полы покрываются или паласами или коврами — бухарскими, текинскими, персидскими. Стѣны обвѣшиваются или коврами же или шальми, иногда-же окрашиваются въ масляную краску и разрисовываются арабесками. Потолокъ порой дѣлается въ видѣ купола и покрывается эмалевой глазурью. По стѣнамъ часто развѣшиваются халаты. Въ особо устроенныхъ стѣнныхъ нишахъ разставляютъ груды посуды, — хрустальной, фторфоровой, мѣдной, серебряной — лампы и разныя бездѣлушки. Мебели нѣтъ никакой, но разбросаны цѣлыя груды подушекъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о географическомъ положеніи Бухары, ея исторіи и ея правителѣ Его Высочествъ Эмирѣ Бухарскомъ Сеидѣ-Абдуль-Ахатъ-Ханѣ.

Бухара лежитъ подъ 39°41' сѣверной широты. Названіе ея происходитъ отъ монгольскаго слова бухаръ-монастырь, храмъ, слѣдовательно Бухара въ переводѣ значитъ городъ храмовъ. Нѣкоторые филологи-оріенталисты производятъ это слово отъ каракиргизскаго бухара — простой народъ чернь, но едва ли подобное толкованіе вѣрно. Въ древности Бухара входила въ число городовъ области Согдіаны, столицей которой и была въ IX вѣкѣ, до этого и послѣ этого времени уступая первенству въ этомъ отношеніи Самарканду. Къ началу IX или концу VIII вѣка можно отнести и основаніе города, хотя мѣстныя преданія и

приписываютъ это основаніе Александру Двурогому (Македонскому). Особеннаго могущества Бухара достигла при Тамерланѣ, хотя въ это время она и не была столицей его громаднаго государства, а лишь какъ область Трансоксанія входила въ составъ его обширной монархіи.

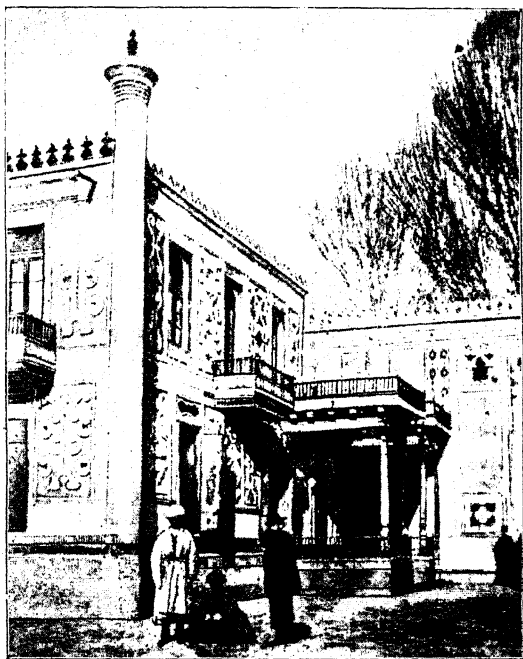
Численность ея населенія теперь достигаетъ, по приблизительному подсчету, 80 тысячъ человѣкъ. Въ качествѣ центра торговли, промышленности, искусствъ и наукъ Бухара удержала за собой только послѣднее, такъ какъ въ ея многочисленныя медресе стекаются мусульмане всего міра, несмотря на другіе умственные центры, соперничающіе съ Бухарой. Торговля ея представляетъ ничтожную долю въ сравненіи съ прежнимъ ея величіемъ, хотя все-же транзитныхъ товаровъ чрезъ нее проходитъ много.

Но болѣе всего упало въ ней искусство. Величіе ея старыхъ построекъ, свидѣтельствующее о религиозной неиспорченности тогдашняго культа, приходитъ въ упадокъ, а ничего выдающагося новаго болѣе не строится. Фрески, эмаль, арабески, барельефы прежнихъ временъ разрушаются, краски блекнутъ, но едва-ли это чудное искусство возродится теперь въ средѣ современныхъ бухарцевъ. Они даже не сумѣли сохранить секрета приготовленія той блестящей глазури, которая могла не осыпаться по нѣскольку столѣтій.

Что касается управленія, то вся неограниченная власть въ немъ принадлежитъ Его Высочеству Эмиру Бухарскому, находящемуся въ вассальномъ отношеніи къ Россіи. При немъ находится въ качествѣ русскаго представителя дипломатическій *) агентъ съ правами по отношенію къ русскимъ подданнымъ мирового судьи.

*) Русскимъ дипломатическимъ агентомъ въ настоящее время состоитъ статскій совѣтникъ Як. Як. Лючшъ.

Права его опредѣляются законами 27 мая 1887 г. и 11 мая 1888 г. Ему подсудны иски до 2000 р., сумма, превышающая въ 4 раза компетенцію мирового судьи въ Имперіи.

Одинъ изъ дворцовъ Его Высочества Эмира Бухарскаго.

Эмиръ принадлежитъ къ династіи Мангытъ, смѣнившей въ 1784 году родъ Аштарханидовъ. Династія Мангытъ является боковой вѣтвью по женской линіи знаменитаго завоевателя Азіи Чингисхана. Нынѣшній Эмиръ Его Высочество Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-Ханъ является седьмымъ представителемъ этой династіи.

Эмиръ въ своемъ управленіи опирается на шаріатъ. Дѣла судебныя, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, поручаются имъ казіямъ, главой которыхъ является онъ самъ. Избраніе въ казіи зависитъ отъ нѣкоторыхъ положительныхъ и отрицательныхъ условій. Казіемъ можетъ быть человѣкъ здоровый, свободный, не совершившій никакого преступленія. Прежде власть казіи была очень велика, теперь же они могутъ налагать штрафъ лишь до 300 р. или приговаривать къ тюремному наказанію не выше 1 г. 6 мѣс. Право выбора казіи предоставлено русскимъ правительствомъ самому народу, хотя эта попытка дать бухарцамъ нѣкотораго рода самоуправленіе въ судебныхъ дѣлахъ, повидимому, дала не совсѣмъ благопріятные результаты. Говорятъ, что уровень судей понизился, такъ какъ это свободное право выбора было парализовано интригами, благодаря которымъ казіями оказались лица, не стоящія на высотѣ достоинства этого важнаго званія.

При эмирѣ находится много сановниковъ, главными изъ которыхъ являются кушъ-беги (министръ финансовъ) и казы-келянъ (министръ юстиціи).

Провинціями управляютъ беки. Такъ какъ они не получаютъ опредѣленнаго жалованья, то эмиръ смотритъ снисходительно на ихъ кормленіе отъ народа, но если эта стрижка становится слишкомъ усиленной, то Его Высочество живо умѣряетъ аппетитъ разошедшагося правителя.

Войсками Бухары командуетъ тупчи-башни, являющийся вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ артиллеріи. Войскъ до 14 тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ самыми разнокалиберными ружьями стараго образца. Такъ какъ въ арміи служатъ только добровольцы и служатъ до старости, то солдатами являются лица разнаго возраста.

Съ тѣхъ поръ какъ Его Высочество назначенъ атаманомъ Терскаго войска, при немъ находится сотня терцевъ—вѣрнѣе одѣтыхъ въ казачьи мундиры бухарцевъ.

Въ настоящее время Бухара соединена желѣзно-дорожной вѣткой, устроенной на средства самого Эмира, съ станціей Новая Бухара. Прежде эмиръ, боясь народнаго возбужденія, просилъ, чтобы желѣзную дорогу провели въ сторонѣ отъ Бухары. Однако, не только не вышло никакихъ инцидентовъ съ открытой дорогой, но вообще бухарцы быстро поняли выгоды новаго передвиженія и полюбили его.

Окрестности Бухары, какъ уже отчасти было упомянуто, представляютъ сплошную роскошную ленту садовъ, опоясывающую весь городъ.

Около Бухары нѣсколько предмѣстій, утопающихъ въ зелени джидовыхъ, тополевыхъ, абрикосовыхъ, гранатныхъ, тутовыхъ деревьевъ въ перемѣшку съ великанами чинарами и грецкимъ орѣхомъ.

На востокъ отъ города находится Ширъ-баданскій замокъ, собственно говоря и составляющій главную резиденцію Эмира.

Я кончилъ свой бѣглый обзоръ достопримѣчательностей Бухарской столицы. Много, конечно, въ моемъ изложеніи пробѣловъ, но вѣдь единственной моей задачей было лишь стремленіе возбудить большій интересъ къ нашимъ средне-азіатскимъ владѣніямъ. Только лично познакомившись съ Востокомъ, можно составить о немъ впечатлѣніе, а никакія описанія никогда не дадутъ такого нагляднаго понятія. Не хватитъ способности у самаго геніальнаго художника передать эту общую красоту дисгармоніи красокъ, описать эту то шумную и кипучую, то лѣниво-апатичную жизнь.

М. Никольскій.

